

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ

профессора Д. И. Вагалъя

объ историческомъ изслѣдованіи:

„Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“.

На этотъ разъ обстоятельства побуждаютъ меня отступить отъ своего обычая. Рѣдкая изъ моихъ печатныхъ работъ по иностранному вопросу въ Россіи не была отмѣчена критикою. Служа къ раскрытію той или иной отдѣльной стороны предмета, многія изъ нихъ вызывали сужденія лицъ, прямой научный интересъ которыхъ ближе всего лежалъ къ излагаемой части вопроса. Особеннаго вниманія критики удостоена моя магистерская диссертация „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ (М. 1886) ¹⁾. Но ни на одно изъ сужденій я не откликнулся печатно. Всѣ эти предыдущія мои работы были отрывками задуманнаго впереди цѣлаго, къ которому я находилъ умѣстнымъ приступить не ранѣе окончанія дѣла надъ важнѣйши-

¹⁾ Кромѣ официальныхъ оппонентовъ и критиковъ, потрудились дать подробный разборъ ея проф. А. Г. Брикнеръ (*Russische Revue*, 1886, III, 274—318) и А. Н. Пыпинъ („Вѣст. Евр.“, 1887 г., I, 255—296), сами много сдѣлавшіе по западно-европейскому у насъ вопросу; затѣмъ встрѣтили мы сужденія проф. В. С. Иконникова („Рус. Стар.“, 1886, IV), Д. И. Иловайскаго (Моск. Вѣд. 1886, № 12), Д. А. Корсакова („Историч. Вѣстн.“, 1886, VIII, 399—403) и другихъ.

ми частями. Избранный нами предметъ крайне сложенъ, труденъ по своему существу и еще слишкомъ новъ въ точной исторической наукѣ, чтобы въ постановкѣ, изученіи и выясненіи его могъ кто-либо обходиться безъ посторонняго содѣйствія, и лучшимъ отвѣтомъ моимъ почтеннымъ критикамъ я полагаю степень пользованія ихъ совѣтами и указаніями въ моихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ и по преимуществу въ своемъ общемъ сочиненіи, куда должны были, въ соответственной передѣлкѣ, войти прежнія монографіи и гдѣ я, путемъ примѣненія указаній критики, долженъ былъ опредѣленно показать свое согласіе или разногласіе съ нею. По отношенію собственно къ германо-протестантскому вопросу теперь задача выполнена нами за первый его періодъ: въ историческомъ изслѣдованіи „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“ (М., 1890 г., VIII, 782 и II стран.), какъ справедливо подмѣчено и критиками, объединены въ одно цѣлое прежнія наши работы изъ данной области за разсматриваемое время и присоединено то новое, чего не было въ печати. Вторая наша цѣльная книга будетъ обнимать предметъ уже за эпоху гражданскихъ реформъ. Сама собою поэтому является надобность уже высказываться о поводу тѣхъ или иныхъ сужденій, даваемыхъ критикою о послѣднемъ сочиненіи.

До настоящаго времени намъ встрѣтились о немъ критическія статьи въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (іюль, 151—163 стран.), „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ (сентябрь, 148—155 стр.), „Странникъ“ (№ 5, стр. 150—156), „Вѣстникъ Европы“ (сентябрь, 386—390), „Русскомъ Вѣстникъ“ (сентябрь, 292—295) и „Историческомъ Вѣстникъ“ (ноябрь, 529—533) за прошлый 1890 годъ и нѣсколько краткихъ библиографическихъ замѣтокъ; мы получили увѣдомленіе, что въ первой книгѣ *Russische Revue* за текущій годъ печатается подробный критическій разборъ проф. А. Г. Брикнера.

Во мнѣ лично весьма живой интересъ в збуждаетъ ожидаемая статья, принадлежащая перу почтеннаго автора *Die Europäisierung Russlands*, внимательно слѣдившаго и за прежними моими работами по иностранному вопросу въ Россіи. Изъ появившихся въ печати статей внимательное разсмотрѣніе дѣла пред-

ставляютъ обстоятельныя статьи въ „Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія“ Ив. Ал. Лебедева, диссертация котораго была посвящена вопросу объ отношеніяхъ между славянскими племенами и нѣмцами, и въ „Труд. Кіевск. Дух. Академіи“ проф. В. З. Завитневича. За то болѣе возраженій вызываетъ рецензія, помѣщенная въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ Д. И. Багалѣемъ, официальнымъ оппонентомъ на диспутѣ при защитѣ мною диссертации на степень доктора русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ. Воздержаться отъ разъясненія этого разбора для меня было бы прямо неумѣстно. Официальные мои оппоненты на магистерскомъ диспутѣ въ свое время ограничились въ печати общей характеристикой книги, опустивъ почти все, подвергавшееся спору и оспариванію¹⁾, и мы потому не считали себя въ правѣ продолжать свою бѣсѣду съ ними печатно; но проф. Багалѣй повторяетъ по преимуществу частныя возраженія, предлагавшіяся имъ въ качествѣ оппонента, и тѣмъ самымъ вызывается воспроизведеніе соответствующихъ отвѣтовъ, безъ которыхъ сохранилась бы въ критикѣ односторонность и условность многихъ ея положеній, подѣ-часъ выражаемыхъ, безъ нужды, слишкомъ категорически.

Вызванныя исключительнымъ поводомъ, замѣчанія моего почетнаго критика носятъ на себѣ яркій отпечатокъ этой случайности; многія изъ нихъ едва-ли бы явились въ ученомъ разборѣ на книгу, взятую саму по себѣ, безъ ея сторонняго назначенія.

Сюда относится довольно казуистическій намекъ на отношеніе части настоящаго изслѣдованія къ первымъ главамъ нашей магистерской диссертации, или не въ мѣру удлинненный рядъ укоровъ за подробное изложеніе нѣкоторыхъ крупныхъ фактовъ, о которыхъ писалось и другими авторами, хотя-бы эти другіе писали съ иными задачами, нерѣдко безъ достаточной полноты, отрывочно и случайно или же въ формѣ сообщенія матеріаловъ, а иные и безъ соблюденія должной точности и документальности. Полнота и обстоятельность изложенія и раскрытія предмета, которыя нра-

¹⁾ „Христ. Чтеніе“, 1889, № 8, Протоколы засѣданій Совѣта, 139—142 стран.

вятся самому критику и о которых онъ сначала отзывается съ похвалою, дѣлаются вдругъ предметомъ нападенія, и свои замѣтки объ изложеніи наиболѣе крупныхъ фактовъ г. Багал'вій предлагаетъ при этомъ въ формѣ укоровъ, несмотря на то, что такого именно изложенія указанныхъ имъ фактовъ требовало обыкновенно самое существо дѣла и весь строй книги, и что, въ противномъ случаѣ, были-бы допущены въ содержаніи сочиненія важные пробѣлы. При иномъ положеніи не было бы также побужденій искусственно увеличивать число замѣтокъ и возраженій, не было бы нужды усматривать въ текстѣ не то, что въ немъ содержится, насильственно ослаблять внутреннюю связь между передаваемыми въ немъ фактами, замѣняя ее виѣшнею, механическою, выставлять мнимыя противорѣчія или доказывать автору нѣкоторыя изъ его положеній, какъ будто бы онъ высказывалъ въ своемъ сочиненіи совершенно иное. Подобныя „недоразумѣнія“, выдаваемые подъ видомъ возраженій, и игра словъ и понятій, немедленно шедшая на встрѣчу разъясненіямъ, служили на диспутѣ, конечно, лишь къ оживленію преній. Все это, какъ обычный въ нашей академической практикѣ стратегическій приѣмъ, имѣетъ свое значеніе, но въ печати онъ теряетъ свою силу.

Прямая задача моего изслѣдованія „Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“ обусловливалась сущностью предмета и положеніемъ его разработки въ исторической наукѣ. Мною имѣлось въ виду представить, по возможности, полное, документальное и многостороннее изложеніе и выясненіе германо-протестантскаго вопроса въ до-реформенной Россіи, и показать, какъ постепенное разрѣшеніе его подготовляло въ русской жизни почву для широкихъ гражданскихъ реформъ съ ихъ извѣстными задачами и пособниками въ проведеніи. Основаніемъ изысканій должны были служить первоисточники—архивные, рукописные и печатные; въ построеніи должна привлекаться соответствующая литература предмета, критически провѣряемая по первоисточникамъ. Прежнія мои работы, раскрывавшія различныя части предмета, теперь должны были найти себѣ объединеніе, органически слиться въ настоящемъ, цѣльномъ по содержанію, изслѣдованіи; на нихъ я такъ смотрѣлъ и во время изготовленія

ихъ ¹⁾. Академическое же назначеніе книги, имѣющее временный интересъ для одного автора и его двухъ-трехъ оппонентовъ, стояло для меня на второмъ планѣ, — иначе мною была бы взята тема не такая сложная, а гораздо спеціальнѣе, что избавило бы меня отъ необходимости привлеченія источниковъ и пособій, слишкомъ разнородныхъ между собою, отъ необходимости одновременнаго и совместнаго обслѣдованія какъ гражданскихъ, такъ и церковно-историческихъ, даже догматическихъ и каноническихъ элементовъ, и отъ сведенія добытаго въ одну цѣльную картину, гдѣ все должно служить къ взаимному поясненію и восполненію.

Было бы очень искусственно утверждать, что судьба протестанства въ юго-западной Россіи, бывшая вообще отраженіемъ дѣлъ въ Польско-литовскомъ королевствѣ, непосредственно и органически вліяла на подготовку и установку Петровыхъ реформъ. Обрисовавъ въ отдѣльной статьѣ положеніе его въ Польско-литовскихъ владѣніяхъ, въ составъ которыхъ, въ его лучшую пору, входила и юго-западная Русь, въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи я сосредоточилъ свое вниманіе на исторіи протестанства и протестантовъ въ предѣлахъ самостоятельнаго Русскаго государства, въ которомъ она имѣла значеніе и сама по себѣ, и по той роли, которую имѣли протестанты въ дѣлѣ подготовки почвы для наступившей потомъ эпохи преобразованій; о какой Россіи должна быть рѣчь, предисловіе къ книгѣ и оглавленіе къ ней не оставляютъ сомнѣній. То же, что въ событіяхъ юго-западной Руси и вообще бывшаго Польско-литовскаго королевства находилось въ прямой связи съ тѣми или иными здѣсь фактами и оказывало на нихъ непосредственное свое воздѣйствіе, по мѣрѣ надобности привлекалось и въ настоящей книгѣ. Нами подробно, напримѣръ, изложены обстоятельства, вызвавшія посольство къ намъ пастора Рокиты съ цѣлью религіозной пропаганды; означено юго-западное происхожденіе противолютеранскихъ полемическихъ сочиненій, бывшихъ въ употребленіи у московскихъ

¹⁾ Свой взглядъ на задачи труда нами подробно изложенъ въ рѣчи предъ защитой диссертации; соответственное извлеченіе изъ нея вскорѣ появится въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

полемистовъ, а это не всегда можно встрѣтить даже въ изслѣдованіи г. Соколова, имѣвшемъ своимъ предметомъ совмѣстное разсмотрѣніе отношенія протестантства къ южной-и сѣверо-западной Россіи: нѣкоторыя сочиненія, имѣвшія юго-западное происхожденіе, въ немъ трактуются, какъ мѣстныя московскія.

Запавшіе въ Московское государство протестанты были предпочтены въ немъ католикамъ. Однако на первыхъ порахъ они не отличались у насъ отъ своихъ соперниковъ по вѣрѣ: пользовались тождественнымъ съ ними положеніемъ, и послѣдующее въ ихъ внѣшнемъ бытѣ по преимуществу было продолженіемъ и развитіемъ предыдущаго; важнѣйшіе вопросы изъ ихъ отношенія къ мѣстному православно-русскому населенію получали первоначальную установку въ исторіи католиковъ, съ которыми протестанты, въ свою очередь, вступали въ различныя сношенія, дружественныя и враждебныя, оказывали на нихъ вліяніе, и прочее. Понятна отсюда внутренняя необходимость въ нашемъ сочиненіи касаться и католиковъ, говорить, насколько то надобно для объясненія главнаго предмета, и о нихъ: безъ этого многое въ исторіи протестантства и протестантовъ оказалось бы неяснымъ, безпричиннымъ и неполнымъ; самый уровень положенія, благопріятный для нихъ, какъ онъ обрисовывался впослѣдствіи, не былъ бы достаточно опредѣленъ безъ сопоставленія его съ положеніемъ католиковъ, не были бы достаточно опредѣлены и причины оказавшейся здѣсь разности. Между тѣмъ нашъ почтенный критикъ, смотря на разбираемый предметъ съ чисто внѣшней стороны, видитъ здѣсь одно произвольное (!) расширеніе темы, допущенную будто-бы нами методологическую неточность, неразличеніе и смѣшеніе двухъ различныхъ предметовъ. Скорѣе мы ожидали укора въ противоположномъ: не слишкомъ-ли мы воздерживались отъ удовлетворенія требованіямъ историко-сравнительнаго метода, въ достаточной-ли степени сказано нами о католикахъ, о которыхъ въ книгѣ едва-ли наберется и 15 страницъ на 782 страницы текста. Въ доказательство своего мнѣнія о допущенномъ будто-бы нами смѣшеніи двухъ различныхъ предметовъ критикъ приводитъ то, что въ книгѣ рассказывается о попыткѣ Бориса Годунова выдать свою дочь за Густава Шведскаго, который, по монѣ-же словамъ, былъ ка-

толикъ. Примѣръ подтверждаетъ совсѣмъ противоположное тому, что́ хочетъ доказатьъ имъ критикъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, на основаніи документовъ, нельзя было точно выдѣлить протестантовъ отъ католиковъ или среди извѣстной группы иноземцевъ, о которыхъ ведется рѣчь, находились католики, мы всегда называли ихъ „иностранцы“, „иноземцы“, или по соотвѣтствующимъ національностямъ—„Шведы“, „Голландцы“, „Англичане“ и т. д.; Густавъ мною прямо названъ католикомъ, какое же тутъ неразличеніе или смѣшеніе его съ протестантами? Его, правда, долго смѣшивали въ исторической наукѣ, говорили о немъ, какъ о лютеранинѣ, и съ его пребываніемъ въ Россіи соединяли возникновеніе въ Москвѣ первыхъ лютеранскихъ кирокъ: на моей обязанности лежало, отчасти вслѣдъ за другими нѣкоторыми авторами, указать его личность и дѣйствительную роль у насъ. Въ частности нельзя было обойти его молчаніемъ въ исторіи брачнаго вопроса, и не потому только, что съ него началось сватанье жениховъ за Ксенію Годунову и имъ открылся рядъ жениховъ изъ иностранныхъ принцевъ, напрасно пріѣзжавшихъ въ Москву: его отказъ отъ перемѣны вѣроисповѣданія тотчасъ же отразился на смягченіи этого требованія Борисомъ къ послѣдующему жениху, лютеранину; матеріальныя условія брака, заключавшіяся въ дарахъ и отводѣ въ удѣлъ цѣлой русской области, и тактика правительства въ отношеніяхъ къ нему во многомъ повторились немедленно по отношенію къ Ивану Датскому, что́ и показано мною путемъ фактическаго изложенія, болѣе убѣдительнаго, нежели всякія разсужденія. При всемъ томъ мы сдѣлали оговорку: „подробнѣе на немъ (Густавѣ) не останавливаемся, такъ какъ онъ по вѣроисповѣданію былъ католикъ“ (442 стр., прим.). Рѣчь о немъ занимаетъ полторы страницы, тогда какъ о слѣдующемъ женихѣ Ксеніи, Иванѣ Датскомъ, излагается на одиннадцати страницахъ, а всему брачному вопросу отведено до 100 страницъ: условія соразмѣрности и исторической перспективы нами соблюдены.

Хотя въ нашу задачу входило разсмотрѣніе по возможности всѣхъ сторонъ предмета, доступныхъ точному изученію, но, разумѣется, преимущество въ изложеніи должно было остаться за тѣми изъ нихъ, которыя ближе соотвѣтствовали заглавію, темъ кни-

ги и которыя прямѣ отвѣчали сущности вопроса за тотъ періодъ, когда отношенія къ чужимъ людямъ опредѣлялись не столько принадлежностью къ той или иной національности, сколько по вѣроисповѣданію, и когда юридически-вѣроисповѣдные вопросы такъ сильно ставились и на западѣ, и у насъ. При этомъ и чисто гражданско-культурные элементы вошли въ наше сочиненіе въ такой широтѣ, какой, по замѣчанію другаго ученаго критика¹⁾, трудно было ожидать сужда по заглавію книги.

Проф. Багалій ставитъ мнѣ въ укоръ подробное изложеніе фактовъ, сдѣлавшихся извѣстными или чрезъ мои прежнія монографіи, или чрезъ сочиненія и статьи другихъ авторовъ. Перечисленные имъ факты—самые крупныя; изложеніе ихъ вполне соотвѣтствуетъ масштабу, принятому нами для передачи вообще всѣхъ событій, и мы имѣли въ своемъ распоряженіи еще очень и очень многое, еслибъ дѣйствительно желали простаго увеличенія матеріала, только количественнаго привнесенія подробностей, а не полноты, соотвѣтствующей содержанію и значенію фактовъ²⁾. Мы намѣренно могли упускать и упускали только тѣ частности, которыя имѣютъ значеніе и интересъ въ монографіяхъ. Еще менѣе мы могли по отношенію къ чужимъ работамъ ограничиваться лишь „дополненіями“, какъ это рекомендуетъ намъ г. Багалій, потому что тогда въ изложеніи многихъ фактовъ явилась бы у насъ случайность и отрывочность, не только не вызываемая существомъ дѣла, но и прямо мѣшавшая надлежащему и округленному раскрытію его. Конечно, напримѣръ, за подробными данными фактовъ по „брачному вопросу и литературной полемикѣ“, о которыхъ „много говорили“ другіе авторы, намъ несравненно легче было бы

1) Труды Кіевск. Духовн. Акад., 1890 г., сентябрь, 149 стр.

2) Интересно въ этомъ отношеніи сопоставить сужденія ученой критики, съ особенною силою подчеркнувшей научность разработки этихъ фактовъ и округленность и живость въ изложеніи ихъ, когда они являлись въ отдѣльныхъ, вошедшихъ сюда монографіяхъ. См. напр. „Истор. Вѣстн.“, 1885, XX, іюнь, 689—690 стр.; 1888 г., мартъ, 734—736; *Revue des Questions Historiques*. Paris. 1 Avril. 1888, 610—611, и др.

Отсылать читателя къ постороннимъ сочиненіямъ, нежели снова излагать ихъ по первоисточникамъ, приче́мъ для одного дѣла Вальдемара пришлось перебрать и изучить цѣлыя тысячи листовъ архивнаго и рукописнаго матеріала. Помимо фактическаго восполненія и исправленія чужихъ работъ, такое изученіе облегчило намъ возможность придавать каждому явленію соотвѣтствующую постановку и находить его надлежащія связи и соотношенія съ другими, имъ сродными. Изъ фактовъ по брачному вопросу всего болѣе писано о дѣлѣ Вальдемара и Ирины Михайловны, которое для С. М. Соловьева, сдѣлавшаго впервые важныя извлеченія изъ документовъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностранныхъ Дѣлъ, было лишь печальнымъ случаемъ, павшимъ на послѣдніе годы царствованія Михаила Теодоровича; затѣмъ подробно говорили о немъ авторъ статьи въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1861 г. и г. Солоковъ; интересъ послѣднихъ ученыхъ былъ не въ брачномъ дѣлѣ самомъ по себѣ, а въ вызванныхъ имъ духовныхъ полемическихъ сочиненіяхъ, при изложеніи которыхъ первый воспользовался рукописями, хранящимися въ Казани, а второй хотя и ссылаясь на московскіе архивные документы, но ими непосредственно не пользовался. Въ нашемъ сочиненіи, специально посвященномъ исторіи протестантства, дѣло Вальдемара—фактъ, въ которомъ жизненный вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ между протестантами и православно-русскими въ своемъ историческомъ развитіи достигъ до крайняго своего предѣла, послѣ котораго могли быть или остановка въ движеніи, или поворотъ въ другую сторону; фактъ, до чрезвычайности занимавшій наше правительство и общество и живо интересовавшій нѣсколько иностранныхъ дворовъ и константинопольскую патріархію; фактъ, оказавшій вліяніе на вѣроисповѣдное положеніе у насъ протестантовъ и породившій цѣлую литературу, духовно-полемическую и отчасти свѣтскую, повѣствовательную. Все это, по мѣрѣ силъ, и старались мы выразить путемъ документальнаго изложенія фактовъ. Для насъ это дѣло имѣетъ несравненно болѣе значенія, нежели для С. М. Соловьева; матеріалы были въ нашемъ распоряженіи также многосложнѣе; естественно, что при изложеніи его въ главѣ о бракахъ отведено ему нѣсколько болѣе страницъ, чѣмъ въ „Исторіи Россіи“. Про-

былъ бы очень чувствительный, когда бы мы посмотрѣли на свою задачу чисто внѣшне и, слѣдуя совѣту нашего критика, изложили дѣло не съ соотвѣтственною полнотою и округленною, а ограничились „прибавленіемъ новыхъ свѣдѣній“, и въ тоже время, напримѣръ, о сватовствахъ Михаила Θεодоровича, веденныхъ секретно, немногими лицами, и не имѣвшихъ серьезнаго значенія, передали сравнительно подробно на томъ-де основаніи, что свѣдѣній о нихъ почти не было въ печати.

Не менѣе неожиданно поразило бы читателя, по праву искавшаго бы въ нашей книгѣ совѣтъ не отрывочныхъ и не краткихъ свѣдѣній, еслибы мы въ главѣ о борьбѣ съ протестантствомъ вмѣсто содержанія и характеристики важнѣйшихъ литературныхъ русскихъ памятниковъ предложили бы одну „характеристику содержанія“. Въ содержаніи произведеній Максима Грека, помимо ихъ прямого достоинства, важно было найти признаки, дѣйствительно-ли направлялись они прямо противъ протестантовъ, и въ какомъ отношеніи между собою стояли первая и вторая изъ его полемическихъ проповѣдей. Въ полемикѣ Грознаго съ Рокитой протестантство впервые было подвергнуто русскимъ человѣкомъ подробной и многосторонней критикѣ, тѣмъ болѣе примѣчательной, что основная оцѣнка протестантства—въ догматическомъ отношеніи оно ниже даже католичества—навсегда предрѣшалась ею у насъ, оказалась согласною со взглядами всей Восточной церкви, и это случилось въ такую пору, когда вопросъ объ его свойствахъ и достоинствахъ и на Западѣ еще опредѣлялся не столько словомъ и перомъ, сколько мечемъ. Но допустимъ, что царь Грозный не нашелся бы, что отвѣчать Рокитѣ, и, убѣжденный имъ, дозволилъ бы ему и другимъ протестантскимъ миссіонерамъ ихъ пропаганду и самъ потомъ, со всею страстностью своей самовластной природы, оказалъ-бы ей свое покровительство,—что за хаосъ водворился бы тогда у насъ! и какъ судьба протестантства болѣзненно отразилась-бы на всемъ дальнѣйшемъ теченіи нашей національной исторіи!... Установка подобнаго факта требовала особеннаго съ нашей стороны вниманія; на насъ лежала прямая обязанность предложить, что и какъ противопоставлялось царственнымъ полемистомъ приѣзжему пастору, т. е. важно самое содержаніе полемики, при-

водимыя въ ней положенія и доказательства. Подлиннымъ отвѣтомъ Грознаго Рокитѣ мы впервые воспользовались во всей его цѣлости и во всемъ богатствѣ его содержанія; и будь для насъ важна одна количественность, мы свободно могли-бы ее увеличить при передачѣ рѣчи Рокиты и апологіи Ласицкаго. Чтѣ касается послѣдующихъ крупныхъ полемическихъ сочиненій, то потребность въ воспроизведеніи ихъ содержанія вызывалась, кромѣ историческаго интереса, еще и тѣмъ, что они еще до сихъ поръ не изданы и ихъ нѣтъ даже въ большинствѣ университетскихъ рукописныхъ собраній. Поэтому для критика не было никакой надобности преувеличивать общезвѣстность перечисленныхъ фактовъ. По увѣренію г. Багалѣя, „обо всемъ этомъ много говорили гг. С. М. Соловьевъ, Никольскій, Соколовъ, Иконниковъ, преосв. Макарій, неизвѣстный авторъ статьи „Правосл. Собес.“ (1861, часть 2-я) и мн. др.“. На основаніи этихъ словъ можно подуматъ, что о каждомъ изъ перечисленныхъ фактовъ говорено много каждымъ изъ названныхъ писателей; но напрасно было бы искать, напримѣръ, у Соловьева нужныхъ данныхъ о полемическихъ сочиненіяхъ, или въ журнальныхъ статьяхъ Никольскаго и другихъ авторовъ свѣдѣній о брачныхъ дѣлахъ; всѣ „подробныя“ сообщенія у проф. В. С. Иконникова уищцаются на полстраницѣ, гдѣ мимоходомъ комментируются лишь полемическія сочиненія Максима Грека. Въ примѣчаніяхъ къ тексту и отчасти въ самомъ текстѣ нами указано, о чемъ говорилъ каждый изъ этихъ писателей; новыхъ, не обозначенныхъ нами, авторовъ критикъ не называетъ. Собственно полемическія сочиненія положены въ основу изслѣдованія г. Соколовымъ; однако онѣ имѣли для него служебное значеніе, по скольку помогали въ раскрытіи отношенія протестантства къ Московской Россіи, при чемъ онѣ слишкомъ часто пренебрегали точностію въ передачѣ фактической стороны и въ указаніяхъ литературы предмета. Изъ печатаннаго о нихъ имѣютъ, въ смыслѣ точности, надлежаще серіозный вѣсъ главнымъ образомъ статьи, разсѣяанныя по различнымъ духовнымъ журналамъ за прежніе годы; въ нихъ передаются по преимуществу отрывочныя „матеріалы“ къ полемикѣ, и писаны онѣ болѣе для справокъ, нежели для чтенія; въ нихъ изложены не всѣ полемическія сочиненія, обыкновенно отдѣльно, безъ

взаимнаго сопоставленія, и не всегда съ должной полнотой и округленностью, и книгъ этихъ, въ ихъ цѣлости, напрасно было бы искать въ каждомъ даже русскомъ университетскомъ городѣ, не говоря уже о библіотекахъ заграничныхъ. Еще такъ недавно профессоръ одного изъ юго-западныхъ славянскихъ университетовъ, самъ занимающійся изученіемъ русскихъ полемическихъ памятниковъ, на страницахъ „Чтеній Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ“ (1886, IV) высказалъ сѣтованіе, будто бы въ русской литературѣ о данномъ предметѣ нѣтъ ничего, кромѣ немногихъ, страдающихъ неточностію, біо-и библиографическихъ сообщеній: очевидно, онъ и не подозрѣвалъ существованія названныхъ журнальныхъ статей. Полныя по содержанію объединительныя изслѣдованія поэтому совѣмъ не лишни.

Въ одномъ случаѣ, до нѣкоторой степени, мы согласны съ авторомъ относительно разбираемаго пункта: обстановку доказательства главнаго положенія 2 главы мы могли бы сдѣлать поуже. Но, во первыхъ, предметъ этой главы— „свобода вѣроисповѣданія протестантовъ неслуживыхъ и проживавшихъ у насъ временно“— совершенно новъ въ исторической наукѣ, доселѣ онъ никѣмъ не ставился въ ней; во вторыхъ, мы писали не юридическій трактатъ, въ которомъ цѣнны были бы главнымъ образомъ одни пункты торговыхъ и т. п. договоровъ, опредѣлявшихъ степень свободы вѣроисповѣданія купцовъ и другихъ неслуживыхъ иноземцевъ, на время западавшихъ къ намъ, а историческое изслѣдованіе, гдѣ не менѣе важна фактическая свобода, обыкновенно всегда предшествовавшая юридической, служившая почвою для добыванія послѣдней и опредѣляемая формою жизни иноземцевъ, ихъ житейскими условіями и различными обстоятельствами. Вотъ почему около вѣроисповѣднаго вопроса мы сгруппировали многія бытовья особенности и по мѣстамъ допускали какъ бы отступленія отъ прямой темы. Безъ „громднаго примѣчанія“, на стр. 144—146, въ которомъ, на основаніи архивныхъ данныхъ, сдѣлана нами существенная поправка къ ошибочнымъ сообщеніямъ Соловьева и Костомарова о широкихъ будто-бы правахъ шведскихъ купцовъ во времена Грознаго на пространствѣ всей Московской Россіи, читателю пришлось бы вѣрить намъ на слово, что эти купцы нѣтъ-

ли тогда право на торговлю, а следовательно могли жить и пользоваться фактически свободою въроисповѣданія всего въ пограничныхъ съ Швеціей русскихъ областяхъ, Новгородской и Псковской ¹⁾). Изложеніе существенныхъ пунктовъ въ договорахъ, въ которыхъ прямо о религіозной свободѣ не говорится, но уже невольно подразумѣвается о ней, и которые въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи вели къ юридической формулировкѣ и этого пункта, требовалось выясненіемъ постепенности развитія данного вопроса какъ по отношенію къ иностранцамъ той или иной націи, такъ и ко всѣмъ имъ вообще. Въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что въ первой главѣ даны свѣдѣнія о приходскихъ церквахъ, разрѣшавшихся осѣвнишигъ у насъ протестантскимъ общинамъ, во 2-й главѣ сообщается о торговыхъ иноземскихъ дворахъ, которые были дозволенными мѣстами богослуженія для торговыхъ и т. п. заѣзжихъ лицъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ находились особыя кирхи, компанейская и посольская. Будь иная тема книги, положимъ: „Иностранцы въ Россіи протестантскаго въроисповѣданія“, планъ изслѣдованія былъ бы другой, и свѣдѣнія о торговыхъ домахъ мы слили бы съ тѣмъ, что говорится о бытѣ иноземцевъ въ 4-й главѣ. Подробность сообщенія вызывалась новостью и интересомъ данныхъ, наковыя свойства ихъ признаются и почтеннымъ критикомъ. И какъ сравнительно ни мала по внѣшнему объему вторая глава, всего въ 3 печатныхъ листа, для нея изучено и привлечено нами много болѣе трехъ десятковъ тысячъ листовъ архивнаго, не всѣмъ доступнаго матеріала.

Особый краткій очеркъ всей литературы вопроса, съ оценкою ея, не былъ бы лишнимъ въ нашемъ изслѣдованіи, но и не необходимъ, по отсутствію сочиненій, которыя охватывали бы излагаемый предметъ. Работы другихъ авторовъ занимались нѣкоторыми частными вопросами или касались лишь отдѣльныхъ

¹⁾ Ксгати приведемъ здѣсь случайно не попавшую въ отдѣлъ „опечатокъ и поправокъ“ замѣтку: 13—14 строки на 32 страницѣ должно читать: „шведскіе купцы (получили право) пріѣзжать для торговли въ Новгородско-Псковскую область“, остальныя слова до конца строки должны быть опущены.

фактовъ: при изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ и фактовъ мною и приводилась соотвѣтствующая литература, съ критическою характеристикю важнѣйшихъ пособій. При этомъ у г. Соколова я не отмѣчалъ „только недостатки“: не разъ, именно въ главѣ о полемическихъ сочиненіяхъ, ссылаясь на его книгу вмѣстѣ съ сочиненіями другихъ авторовъ (стр. 535, 602, 616 и др.); нѣкоторыя изъ его частныхъ мнѣній приняты и повторены мною, и вина уже не моя, если мнѣ гораздо чаще приходилось производить поправки, какъ равно едвали въ пользу сочиненія г. Соколова будетъ то, если со временемъ критика укажетъ, что въ иныхъ случаяхъ лучше бы воздержаться отъ принятія его сужденій. Касаясь событій юго-западной Руси стороною, мы по праву ограничились указаніемъ на нашу работу, въ которой подробнѣе выраженъ нами свой взглядъ на данный предметъ, и изъ постороннихъ сочиненій, естественно, назвали одни „выдающіяся“, на которыя могли сослаться сравнительно безъ особыхъ оговорокъ; но въ своемъ спеціальному изложеніи исторіи протестантства въ Московской Россіи, указывая и критически привлекая всю литературу предмета, должны были попутно распутывать по крайней мѣрѣ рѣзкія неточности въ сочиненіи г. Соколова, и разъясняли ихъ документально, по возможности не обнаруживая досадливаго чувства за доставленныя имъ затрудненія въ работѣ. О г. Соколовѣ нельзя сказать, будто онъ „первый во всей широтѣ поставилъ вопросъ о протестантахъ въ Московскомъ государствѣ“: вопроса о самихъ протестантахъ онъ почти совсѣмъ не ставитъ въ своей книгѣ, онъ выдвинулъ въ ней „отношеніе протестантизма“ къ Россіи. Противъ постановки этого частнаго вопроса я ничего не имѣю, за исключеніемъ того, что главная основа, на которой г. Соколовъ строитъ свое зданіе — русскія противопротестантскія сочиненія — удобна какъ разъ для противоположной темы, и что правильное историческое изслѣдованіе его можетъ опираться только на предварительномъ изученіи фактическаго и юридическаго положенія, какиѣ пользовались у насъ протестантство и протестанты, церковнаго и гражданскаго быта иноземцевъ, ихъ свойствъ и качествъ, преслѣдуемыхъ ими цѣлей и примѣняемыхъ средствъ, и т. д. Безъ этого изслѣдователю нельзя точно означать дѣйствительныя границы

своего предмета, и онъ ничѣмъ не удерживается отъ такого, на-
примѣръ, расширенія ихъ, будто протестанство играло суще-
ственную роль въ образованіи раскола, будто и патріархъ Никонъ
приступилъ къ своимъ реформамъ „не безъ совѣта и одобренія“
лучшихъ протестантовъ, или будто докторъ Келлерманнъ „читалъ“
Алексѣю Михайловичу газеты — тотъ докторъ, который прибылъ
въ Россію послѣ смерти Алексѣя Михайловича и долгое время, по
незнанію нашего языка, сносился чрезъ переводчика и съ своими
паціентами. Но главныя затрудненія трудъ г. Соколова представ-
ляетъ способомъ изложенія фактическихъ данныхъ, построеніемъ
обобщеній и выводовъ и пользованіемъ чужими цитатами, изъ ко-
торыхъ, между прочимъ, всѣ ссылки на документы Московскаго
Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ, какъ обнаруживалось постепен-
но,—заимствованныя... Мы однако не считали бы справедливымъ
оставить въ сторонѣ это сочиненіе, не пользоваться имъ или отне-
стись такъ отрицательно-строго, какъ относится къ нему въ сво-
ихъ печатныхъ трудахъ проф. А. Г. Брикнеръ, ближе другихъ
спеціалистовъ по русской исторіи научно знакомый съ исторіей
иностраннаго вопроса въ Россіи.

При пользованіи источниками и пособіями я обыкновенно ста-
рался точно указывать литературу предмета, въ томъ числѣ загла-
вія и тѣхъ своихъ сочиненій и статей, въ которыхъ изложенъ былъ
мною тотъ или иной частный вопросъ; упущены, по недосмотру,
всего двѣ мои статьи, вошедшія въ изслѣдованіе: „Иностранцы
въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ (Рус. Вѣстн., 1887, XII) и „Къ
исторіи культуры въ Россіи“ (Филологич. Записки, 1890, I). Съ
особенною настойчивостію я указалъ на „первыя главы“ своей
книги: „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ
XVI и XVII вѣкахъ“ (нашей магистерской диссертациі), при-
ведя не только ея заглавіе, но и критическія на нее статьи
официальныхъ оппонентовъ и различныхъ критиковъ, „ученыя
указанія“ кото рыхъ я „старался примѣнять здѣсь“ (стр. 41), чего
мною не сдѣлано по отношенію ни къ одному изъ другихъ своихъ
сочиненій (напр. стр. 90, 222, 418, 524 и др.). Эта книга состо-
итъ изъ 6 главъ, три первыя посвящены въроисповѣдному вопро-
су протестантовъ, три послѣднія—тому же вопросу относительно

католиковъ; но это были два отрывка подготавливавшейся другой гораздо большей по объему работы. О протестантахъ задача нами теперь выполнена за время до эпохи преобразований, почему все, заключающееся о нихъ за рассматриваемую пору въ только-что названномъ сочиненіи, должно было найти себѣ здѣсь объединеніе вмѣстѣ и наравнѣ съ содержащимся въ другихъ моихъ работахъ, и двѣ первыя главы и нѣсколько страницъ третьей главы книги вошли сюда; остальное найдетъ себѣ объединеніе въ слѣдующемъ нашемъ цѣльномъ трудѣ за эпоху преобразований. Допущенныя повторенія прямо обуславливались объединительною задачею послѣдняго нашего труда, какъ свойствами его опредѣлялась и неизбежность соотвѣтственной переработки и различныхъ измѣненій. Многому мы вынуждены были дать иную форму, еще большому совершенно иное распределеніе, иное дополнили и исправили по новымъ архивнымъ даннымъ (ср. сообщенія по матеріаламъ стокгольмскаго и московскаго архивовъ, стр. 83, 123 и др.). А по словамъ нашего критика выходитъ, что мы какъ бы повторили все, ничего же сумняся; онъ упустилъ изъ виду даже стоявшее намъ очень большаго труда особое изслѣдованіе (на стр. 34-41) вопроса о литературѣ предмета. Къ тому же, и по счету проф. Багалѣя, новаго, не бывшаго съ магистерской, остается въ послѣдней нашей книгѣ болѣе 620 стр. большаго формата, пусть онъ и умалчиваетъ объ этомъ обстоятельстве и нигдѣ не отмѣчаетъ и общаго количества страницъ книги: слѣдовательно, мнѣ вполне удобно было бы избавить себя отъ труда переработки, принаровливанія и внесенія соотвѣтствующаго изъ первыхъ главъ сочиненія: „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи“, еслибъ я руководствовался практическими соображеніями¹⁾, а не требованіемъ сущности предмета и прямой объединительно-научной задачей.

Переходимъ къ другимъ замѣчаніямъ нашего критика.

Дѣлать извлеченія изъ новоторговаго устава для меня совершенно лишнее: онъ приведенъ мною вмѣстѣ съ другими актами,

¹⁾ Внесеніе прежнихъ элементовъ могло вѣдь безъ надобности только еще затруднять официальное движеніе книги и давать „благовидный“ поводъ къ неумѣстнымъ выходкамъ со стороны лицъ партійныхъ.

въ подтвержденіе дѣлаемой мною характеристики переѣмны въ отношеніяхъ правительства къ иноземнымъ купцамъ. Эта характеристика согласна съ документами, чего не отвергаетъ и г. Багалѣй. То же надобно сказать и о слѣдующемъ замѣчаніи, тѣмъ болѣе, что № 103 въ 1 т. Полнаго Собр. Законовъ цитруется и отчасти излагается въ другихъ мѣстахъ книги (273, 337 стр.); примѣчаніе можно здѣсь дополнить, пожалуй, свидѣтельствомъ Фербера¹⁾, на котораго я указывалъ не одинъ разъ. На печатныя изданія, въ которыхъ помѣщена хотя бы часть архивныхъ документовъ, вновь пересмотрѣнныхъ мною, я обыкновенно ссылаюсь (напр. 89—90, 370, 371, 475, 650—651 и др.), какъ равно и на тѣ сочиненія, въ которыхъ высказаны тѣили иныя сужденія о частныхъ вопросахъ: и С. М. Соловьевъ, и пр. Филаретъ, и г. Никольскій цитуются мною часто. Указать на предположеніе пр. Филарета объ авторствѣ Ивана Насѣдки было бы кстати, но это восполнялось цитированіемъ въ примѣчаніи о литературѣ къ „Изложенію на лютеры“ (616 стр.) статьи Никольскаго, развившаго мысль Филарета, со ссылкой на послѣдняго. Дѣло Шиловцева, излагаемое мною по Архиву, легко найти у Соловьева уже по одному тому, что на той же страницѣ своей книги при изложеніи однороднаго дѣла объ Ивашкѣ Клеопинѣ я указываю страницу Соловьева, на которой у него говорится объ этихъ двухъ личностяхъ.

Кстати о послѣднихъ. По словамъ критика, будто бы я вижу на нихъ „прикровенное вліяніе иноземной пропаганды“, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Ивашка Клеопинъ находился въ упомишательствѣ, а у Федора Шиловцева „отрицательный взглядъ на иконопочитаніе зародился подъ вліяніемъ бесѣдъ съ русскимъ человѣкомъ — дьякомъ казеннаго приказа Захаромъ Онуфріевымъ“. Проф. Багалѣй дѣлаетъ здѣсь поважнѣе той „методологической“ ошибки, въ какой хотѣлъ бы обвинить автора: толкованіе, заключающееся въ книгѣ, онъ разширяетъ, измѣняетъ, приписывая его мнѣ въ такомъ неточномъ видѣ, и затѣмъ выдаетъ за свое объясненіе сходное съ тѣмъ, что высказано мною. Въ книгѣ значитя: „во всѣхъ этихъ умоповрежденіяхъ

¹⁾ Съверн. Архивъ, 1822, I, 158.

чувствуются признаки какого-то посторонняго вѣянiя, которое однако раздувало лишь домашнiй пепель“. О разстроенномъ душевномъ состоянiи Клеопина приводятся въ ней всѣ существующiя данныя; а о Шиловцевѣ прямо говорится, что хотя онъ и утверждалъ на слѣдствiи, будто былъ-де онъ „попорченъ“ въ ту пору, какъ напился квасу у сидѣвшаго вмѣстѣ съ нимъ въ монастырѣ подъ началомъ иноземца, однако отрицательный взглядъ на иконопочитанiе возникъ у него много раньше, во время бесѣды съ дьякомъ Онуфриевымъ (т. е. съ тѣмъ „русскимъ человѣкомъ“, на котораго указываетъ и г. Багалъй) объ неудовлетворительномъ положенiи въ Москвѣ иконописнаго дѣла. Рѣчь такимъ образомъ не объ „иноземной пропагандѣ“ (смыслъ этого слова вполнѣ опредѣленъ), явной или „прикровенной“, будто бы зарождающей у нашихъ отрицательные взгляды: ея присутствiе мною считается вообще недоказаннымъ даже въ непосредственно затѣмъ излагаемыхъ мною фактахъ, хотя оно признавалось въ нихъ авторитетными современниками; мы говоримъ здѣсь, такъ сказать, объ одной изъ „болѣзней вѣка“, основанiи которой чисто домашняя и примѣсь стороннихъ элементовъ въ которой допустима развѣ въ ея дальнѣйшемъ развитiи. О враждебности отношенiй иностранцевъ къ русскому иконопочитанiю въ книгѣ приведено много фактовъ; „чувствовать признаки“ (но и не болѣе) чуждаго въ разсматриваемыхъ случаяхъ даютъ нѣкоторый поводъ также форма и время „умоповрежденiй“: одинъ изъ обвиняемыхъ старался убѣждать почему-то за границу, другой дошелъ до неистовства, сталъ топтать образа, находясь въ заключенiи съ иноземцемъ. На почвѣ домашнихъ нашихъ нестроений являлась, какъ показываетъ приведенная мною группа фактовъ, возможность прониканiя въ нашу среду чужихъ мыслей, совсѣмъ и не религiозныхъ только, и не чисто „нѣмецкихъ“ (въ бѣгствѣ Клеопина въ Польшу), и путемъ неизвѣстнымъ, не опредѣляемымъ мною, быть можетъ, даже помимо желанiя или старанiя иноземцевъ: для точнаго опредѣленiя пути документы не представляютъ здѣсь убѣдительныхъ данныхъ. Факты, указывающiе прямо на попытки религiозной протестантской пропаганды, приведены мною въ иныхъ мѣстахъ.

Другой случай „расширенного толкованія“ проф. Багалъй указываетъ въ своемъ разсказѣ о погромѣ лютеранскихъ церквей въ Ново-Иноземской слободѣ, произведенномъ, по его мнѣнію, не толпою москвичей, а скорѣе по желанію правительства. Разсказъ основанъ на извѣстїи Олеарія. Сообщенія иностранныхъ писателей о жизни иноземцевъ въ Россіи отличаются вообще крайней отрывочностію и сбивчивостію и подвергаются у изслѣдователей самымъ разнорѣчивымъ толкованіямъ. Какія затрудненія приходилось преодолевать намъ, чтобы добиться вѣрнаго зерна и изъ этихъ добытыхъ частицъ представить связное изложеніе дѣла, можно видѣть изъ одной первой главы и примѣчаній къ ней, служащихъ основою для текста. При всемъ соблюденіи осторожности въ разысканіяхъ, трудно здѣсь освободиться отъ частныхъ неточностей, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное мѣсто понималось одинаково всѣми предшествующими изслѣдователями. Поэтому прежде, чѣмъ приписывать мнѣ лично тѣ или иныя расширенныя толкованія и неточности, справедливость требуетъ каждый разъ ближе справиться съ соответствующею литературою предмета. Важно, чтобы они были рѣдки и имѣли за собой серіозныя основанія. Г. Багалъй основывается на русскомъ переводѣ Олеарія, и притомъ только на одномъ мѣстѣ. Олеарія я изучалъ по всѣмъ изданіямъ, отличающимся между собою, и принималъ во вниманіе переводы и толкованія изслѣдователей (стр. 60—61 и др.); чрезъ изученіе его мнѣ удалось исправить очень много неточностей у своихъ предшественниковъ (стр. 54, 56, 63, 68—73, 122⁺—124⁺, 232 и др.), но, конечно, могли проскользнуть какія-либо частности. О разгромѣ церквей передается въ подлинномъ текстѣ Олеарія въ болѣе густыхъ краскахъ, нежели въ русскомъ переводѣ, и указывается на участіе въ немъ массы; для пониманія этого сообщенія нельзя миновать и общей черты въ повѣствованіи Олеарія, который постоянно старается выставить различіе въ отношеніяхъ къ иноземцамъ со стороны „народа“ и „правительства“, а также другаго мѣста у того же автора, гдѣ передается о поводѣ, возбудившемъ москвичей¹⁾. Тогда покажется имѣющимъ основаніе

¹⁾ Olearius, въ изданіи 1647 г., сообщенія о разгромѣ и тѣхъ; въ изд.

то, какъ передаетъ сообщеніе Олеарія о разгромѣ кирокъ г. Рушинскій, внимательно вчитавшійся въ иностранныхъ писателей о Россіи XVI и XVII вѣковъ¹⁾; одинаково понимали это сообщеніе Олеарія и всѣ другіе изслѣдователи, передававшіе его, и мы пока воздержимся отъ толкованія, предлагаемаго нашимъ критикомъ.

Проф. Багалъй утверждаетъ далѣе, будто въ нашей книгѣ встрѣчаются разнорѣчія. Искусственнымъ выдергиваніемъ и сопоставленіемъ выраженій, взятыхъ безъ контекста, и навязываніемъ имъ чуждаго смысла легко находить „противорѣчія“ въ любомъ сочиненіи, и тѣ примѣры ихъ, которые предлагались на диспутѣ, мы отстраняли возстановленіемъ и выясненіемъ дѣйствительнаго смысла словъ, на которыхъ старалась опереться оппозиція, указаніемъ на то, что слова эти относятся къ различнымъ предметамъ или разнымъ сторонамъ предмета, или къ одному и тому-же за различное время, и служатъ дополненіями другъ къ другу въ дѣлѣ точнаго и многосторонняго раскрытія вопроса. Случаи на этотъ разъ нашимъ критикомъ приводятся новые. Посмотримъ и на нихъ. „Какъ разобратъся—пишетъ г. Багалъй—напримѣръ въ слѣдующихъ сужденіяхъ: на стр. 122-й г. Цвѣтаевъ заявляетъ, что „широкой свободой общественнаго богослуженія пользовались не одни московскіе протестанты““ (но и областные); на стр. 8-й говорится, что вѣротерпимость наша обусловливалась „снисходительностію къ иновѣрію православія““; а на стр. 12-й оказывается, что „иновѣріе по сравненію съ православіемъ было сближено съ невѣріемъ и въ смыслѣ государственно-юридическомъ было только допускаемо, почти лишь терпимо““.—Тому, кто прочтетъ правильно нашъ текстъ и не смѣшаетъ совсѣмъ не тождественное, затрудненій не представится, потому что здѣсь опредѣляются р а з л и ч н ы я стороны предмета, которыя между собою не совпадали. Въ первомъ случаѣ трактуется о ф а к т и ч е с к о мъ вѣроисповѣдномъ положеніи протестантовъ, которое, особенно

1656 и 1663 гт., стр. 319, ср. стр. 286—287; изд. 1696 г., стр. 167, ср. стр. 146; рус. перев. П. Барсова, стр. 372, 318—319. Ср. подлинный текстъ по изданію 1656 года.

¹⁾ Чтен. Имп. Москов. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ, 1871, III, 232—233.

по сравненію съ положеніемъ католиковъ, было дѣйствительно очень обширно, такъ какъ протестанты имѣли у себя храмы, въ которыхъ безпрепятственно отправляли общественное богослуженіе, между тѣмъ католики должны были ограничиваться одною домашнею службою. Во второмъ мѣстѣ говорится о снисходительности православія къ этому практическому положенію иновѣрія, потому что у насъ не проповѣдывалось „насилія въ дѣлахъ вѣры, чужія формы оставались въ покоѣ“, и при этомъ ближайшею причиною, обусловливавшей свободу иновѣрія, выставлены нами „политико-экономическія и культурныя потребности государства, удовлетворявшіяся при содѣйствіи полезныхъ иноземцевъ“, о чемъ однако умалчиваетъ нашъ критикъ. Третье, приведенное имъ мѣсто, относится къ религиозно-догматической оцѣнкѣ протестантства по сравненію съ православіемъ, гдѣ протестантство считалось лишеннымъ таинствъ, и къ его государственн о-ю ридическому положенію, которое было дѣйствительно весьма тѣсно: самыя правительственныя разрѣшенія на постройку даже каждой отдѣльной кирки, сколько мы знаемъ, принимали видъ оеобой, временной и частной милости, отнюдь не обязательной для правительства ни въ иныхъ мѣстахъ, ни въ другое время, ни для иныхъ лицъ, и наблюдалось, чтобы эти церкви служили для удовлетворенія религиозныхъ нуждъ однихъ природныхъ протестантовъ и ничѣмъ, ни своимъ видомъ, ни мѣстонахожденіемъ, не приносили бы соблазна или вреда религиозному чувству православныхъ. Гдѣ же противорѣчіе здѣсь? Развѣ сказать, что фактическое положеніе протестантства было шире догматической оцѣнки и государственн о-ю ридическаго (и именно государственнаго, а не частнаго) положенія его, значитъ выразить мысль, противорѣчащую себѣ?! Констатированіе этихъ особенностей *de facto* и *de jure* въ положеніи протестантства сжато сформулировано мною и въ одномъ изъ тезисовъ, частныя мысли котораго также опредѣляютъ предметъ въ его цѣломъ видѣ ¹⁾.

¹⁾ Тезисъ XIII: „Соотвѣтственно съ основною системою допускать иновѣріе въ предѣлахъ его безвредности для православія протестантство, допускаемое на практикѣ и отчасти, въ видахъ политико-

Въ качествѣ втораго примѣра противорѣчій г. Багалѣй приводитъ наши сужденія объ иностранцахъ и ихъ дѣятельности. Во-первыхъ, не вполне правильно сопоставлять излагаемое на 9 страницѣ введенія съ 8 главой изслѣдованія: излагаемое на этой страницѣ относится къ 4, а не 8 главѣ, было бы поэтому умѣстнѣе сопоставить между собою эти главы, если уже понадобилось сличеніе. Во-вторыхъ, содержаніе 9-й страницы передается нашимъ придирчивымъ критикомъ не совсѣмъ точно: въ ней нѣтъ утвержденія, что „полезныхъ иноземцевъ” у насъ „было весьма немного”. но говорится, что въ достиженіи своихъ домогательствъ „лишь весьма немногіе изъ нихъ (иноземцевъ) могли опираться на свои несомнѣнные достоинства”. Какія „несомнѣнные достоинства” разумѣются здѣсь (научныя знанія, безкорыстность и проч.) и какими вообще свойствами отличался въ своей массѣ пришлый къ намъ съ Запада народъ, подробно и раскрывается въ 4-ой главѣ, на основаніи свидѣтельствъ современниковъ и разнообразныхъ фактическихъ данныхъ, которыя приводятъ къ убѣжденію, что „на этотъ предметъ вообще нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія нашего понятія о Западѣ и его культурѣ и съ предвзятою мыслию возвышать свойства иноземнаго населенія“. вмѣстѣ съ тѣмъ, обрисовано положеніе, въ которое были поставлены иностранцы и которое, говоря вообще, этотъ практическій людъ въ поискахъ выгодъ побуждало въ концѣ концовъ къ дѣятельности на пользу русскихъ интересовъ; мысль эта обосновывается шире въ послѣдующихъ главахъ, спеціально опредѣляющихъ формы и границы отношеній иноземцевъ съ русскимъ населеніемъ. Когда свойства и житейскія условія были приведены въ извѣстность, подробно и обрисовываются потомъ характеръ и размѣры службы иноземцевъ на удовлетвореніе политико-экономическихъ и культурныхъ потребностей государства и степень вліянія ихъ дѣятельности, при всеѣмъ разнообразіи ея все же болѣе внѣшней, показной и под-

экономическихъ, покровительствуемое, было въ смыслѣ государственно-юридическомъ только дозволено“. Тезисы къ диссертациі мы встрѣтили потомъ перепечатанными цѣликомъ въ одномъ изъ отчетовъ о нашемъ диспутѣ („Прав. Обзорніе“, 1890, №№ 11—12).

невольной, о чемъ рѣчь у меня въ 8 главѣ. Обширная фактическая почва не вызываетъ на односторонность въ сужденіяхъ, на то, чтобы признавать за иноземцами и ихъ дѣятельностію одни только какія-либо свойства, положительныя или отрицательныя.

Третье и послѣднее „противорѣчіе” критикъ усматриваетъ въ моихъ сужденіяхъ о протестантской пропагандѣ. Если присутствіе ея въ одномъ частномъ случаѣ отвергается или считается недоказаннымъ, пусть оно и признавалось другими изслѣдователями, а въ другомъ то же частномъ случаѣ признается, то тутъ еще нѣтъ противорѣчія себѣ. Но г. Багалѣй, и здѣсь допустивъ неточность передачи моихъ мыслей, снова приписываетъ мнѣ свои толкованія. Поэтому мы обязаны возстановить смыслъ нашего текста. Въ книгѣ (7 гл.) отрицается высказанное г. Соколовымъ мнѣніе, будто бы „протестанты разставили свои пропагандическія сѣти на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными”, т. е. отрицается веденіе систематической пропаганды въ Московскомъ государствѣ; но въ то же время признается вліяніе протестантовъ, правда, главнымъ образомъ культурное, признаются и единичныя попытки къ религіозной пропагандѣ. Въ этомъ неправильно искать противорѣчія. Затѣмъ, въ частности на страницѣ 534-й (примѣч.) не считать „доказаннымъ вліяніе протестантовъ на нашихъ вольнодумцевъ” и „на страницѣ 598-й прямо допускать его” дѣйствительно противорѣчіе, но только оно создано самимъ критикомъ. Въ первомъ мѣстѣ, на 534—535 страницахъ, говорится не вообще о „нашихъ вольнодумцахъ”, а собственно о рационалистахъ временъ Грознаго, Матвѣѣ Башкинѣ съ товарищами, при чемъ стороннее вліяніе на нихъ допускается условно, въ возможности, потому что, за отсутствіемъ убѣдительныхъ данныхъ, нельзя считать его „прямо доказаннымъ”; во второмъ мѣстѣ, при общемъ обзорѣ протестантскаго движенія, о нихъ повторяется тоже, именно, что протестантство „могло нѣсколько соприкасаться” съ ихъ рационализмомъ; допускается же здѣсь прямо вліяніе на вольнодумцевъ послѣдующаго времени, подвластныхъ иноземцамъ, крѣпостныхъ, прислугу и т. п.: тутъ и лица, и время, и обстоятельства иныя. Наконецъ, на указанныхъ критикомъ 679—680 страницахъ говорится объ

извѣстныхъ уже Ивашкѣ Клеопинѣ и Ѳеодорѣ Шиловцевѣ. Сказать, что на нихъ смотрѣлъ иначе С. М. Соловьевъ, который усматриваетъ здѣсь отчасти „вѣру въ порчу“, не значитъ уже объяснить свойства и происхожденіе фактовъ и необходимость прекращенія дальнѣйшаго анализа, особенно, когда извѣстно, что этотъ изслѣдователь не задавался вопросомъ ни о протестантскомъ вліяніи, ни о пропагандѣ; другой же называемый критикомъ авторъ, г. Соколовъ, совсѣмъ не упоминалъ объ этихъ фактахъ ни тамъ, гдѣ говорилъ о пропагандѣ, ни тамъ, гдѣ рисуетъ мрачныя черты русскаго быта, существовавшія помимо иноземнаго вліянія и наперекоръ ему, почему естественнѣе допустить, что онъ не упомянулъ о нихъ не зная ихъ, какъ не указалъ, по незнанію, и многихъ другихъ фактовъ, въ которыхъ пропагандическія тенденціи несомнѣнны. Между тѣмъ г. Багалѣй даетъ право думать, какъ будто бы и Соловьевъ, и Соколовъ одинаково излагали эти факты и разсматривали ихъ съ точки зрѣнія неприложимости къ нимъ протестантской пропаганды и чуждаго вліянія, т. е. говоритъ о данныхъ авторахъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. Но это еще не такъ важно. Важнѣе то, что въ данномъ случаѣ, какъ мы уже видѣли, г. Багалѣй приписалъ намъ свое толкованіе, и теперь снова повторяетъ его съ усиленнымъ удареніемъ въ укоръ намъ предъ гг. Соколовымъ и Соловьевымъ. Едва ли можно дѣлать укоры предъ авторомъ, который не упоминалъ о фактѣ. Чтó же касается С. М. Соловьева, изложившаго эти факты, то за него, дѣйствительно, вполне можно быть увѣреннымъ, что онъ не допустилъ бы подобной „порчи“ чужихъ словъ и мнѣній и не поставилъ бы своихъ мыслей въ вину другому, какъ то дѣлаетъ нашъ почтенный критикъ.

Отъ возраженій со стороны формальной и методологической г. Багалѣй переходитъ къ возраженіямъ по существу, къ реальной сторонѣ сочиненія. Ихъ немного. Въ сужденіяхъ о нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ рецензентъ склоняется къ мнѣніямъ авторитетныхъ лицъ, о дѣлѣ принца Вальдемара держится мнѣнія Соловьева, объ утвержденіи на московскомъ соборѣ 1620 г. перекрещиванія иновѣрцевъ, обращавшихся въ православіе, онъ повторяетъ слова преосв. Макарія. О первомъ дѣлѣ нами уже высказанъ свой

взглядъ; соотвѣтственное мѣсто въ „Исторіи Русской Церкви” пр. Макарія то же было извѣстно намъ, цитруется подъ трактатомъ о соборѣ (349 стр.) и нашло отраженіе въ нашемъ сужденіи о причинахъ состоявшагося опредѣленія (350 стр.). Однако „неимѣніемъ” московскими людьми „вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о заблужденіяхъ римской церкви” нельзя всего объяснять: свѣдѣнія о данномъ предметѣ, имѣвшіяся до смутной эпохи, были еще недостаточнѣе, и все же тогда дѣло не дошло до соборнаго опредѣленія о перекрещиваніи. Ближайшее значеніе оказывали здѣсь сложившіяся ко времени собора историческія обстоятельства: религиозно-національное возбужденіе противъ католиковъ и опасеніе повторенія прежнихъ бѣдъ, противъ которыхъ принимались мѣры, дѣйствовавшія на массу и согласныя съ ея настроеніемъ, какъ равно съ настроеніемъ и взглядами самихъ законодателей. Условія эти ослабѣли къ періоду собора 1667 года, тогда безпрепятственно состоялась и юридическая отиѣна суровой мѣры. Эти временныя условія, кромѣ общихъ причинъ, настойчиво и указаны нами. Вступая на реальную почву, проф. Багалѣй предъявляетъ здѣсь требованіе, мало мирящееся съ возраженіемъ, предъявленнымъ предъ тѣмъ съ формальной стороны. Ему кажется не полнымъ мое изложеніе актовъ собора 1667 г.; но въдѣ какъ соборъ 1620 г., такъ и отиѣтившій его мѣру соборъ 1667 г. обсуждали дѣло о католикахъ и ни словомъ не упоминали о протестантахъ, къ которымъ соборныя опредѣленія были примѣняемы по томъ уже лишь на практикѣ, и для моей цѣли было совершенно достаточно того, что приведено и высказано мною объ этомъ постороннемъ вопросѣ.

Остальныя возраженія касаются двухъ-трехъ частныхъ. Почтенный критикъ, въ доказательство положенія, что иноземцы иногда судились и по своимъ собственнымъ законамъ, напрасно приводитъ ссылку изъ Актовъ арх. экспедиціи (III, № 224), какъ будто неизвѣстную намъ: мы указываемъ на этотъ актъ (стр. 705 прим.), какъ и вообще приводимъ факты автономности въ судѣ, предоставлявшейся нѣкоторымъ военно-служивымъ и торговымъ людямъ (27, 375 и др.), и все это принято нами во вниманіе при опредѣленіи (стр. 274) границъ подсудности иноземцевъ русскимъ

судамъ и законамъ. Разность между вѣроисповѣднымъ положеніемъ иностранцевъ въ Москвѣ и Новгородѣ мы не только „допускаемъ”, но изображаемъ и доказываемъ (стр. 8 и въ началѣ 1 и 2 гл.), не выходя однако въ опредѣленіи ея за предѣлы исторической правды: мы указываемъ и сходство, признаемъ извѣстное вліяніе новгородской практики на московскую и приводимъ даже случаи, когда сами иноземцы въ своихъ домогательствахъ о предоставленіи имъ религіозной свободы ссылались (стр. 141 и др.) на прежнее свое религіозное положеніе въ Новгородѣ. На поводы къ разгрому Нѣмецкой слободы мы теперь смотримъ иначе, чѣмъ смотрѣли прежде, потому что намъ сталъ извѣстенъ новый, недавно изданный современный событію рассказъ, о которомъ мы тогда не могли знать.

Въ заключеніе проф. Багалѣй приводитъ два дополненія къ архивнымъ источникамъ. Первое изъ нихъ относится къ дѣламъ о выѣзжихъ иноземцахъ, служилыхъ и перекрещенцахъ. Дата документа, къ сожалѣнію, имъ не означена точно, и намъ трудно опредѣлить, какъ этотъ документъ стоитъ къ тѣмъ матеріаламъ архива, которыми мы часто пользовались, писавши объ этомъ предметѣ, и нѣкоторую долю издали въ „Памятникахъ.“ Второе дополненіе — о бѣлгородскомъ дворѣ для пастора — относится къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ нами касательно неоднократныхъ посѣщеній московскими пасторами служилыхъ иноземцевъ въ Сѣвскъ и Бѣлгородѣ.

Мы отвѣтили на всѣ возраженія и замѣчанія Д. И. Багалѣя. За исключеніемъ двухъ-трехъ изъ нихъ, да и то взятыхъ съ ограниченіями, мы не находимъ возможности согласиться съ нимъ. Мы видѣли, какъ приводимые факты не соотвѣтствуютъ тому, что онъ хотѣлъ обосновать на нихъ; слѣдовательно, и укоризненные выводы изъ нихъ являются только дѣломъ его недоразумѣнія. Повидимому, и самъ ученый авторъ не придавалъ имъ существенной важности, предупреждая, что онъ отиѣтитъ „только к о е - к а к і е недостатки сочиненія“. Съ гораздо большею силою онъ высказалъ въ началѣ своей критической статьи, что „вопросъ о про-

тестантах разработанъ въ книгѣ многосторонне, исчерпаны всѣ существенныя стороны его“, „въ основу положены источники“, печатные и рукописные, объединена соотвѣтствующая литература предмета и проч.; отмѣтил критическое отношеніе къ фактамъ и чужимъ мнѣніямъ и заявилъ свое согласіе съ статьями другихъ критиковъ, по его словамъ, полнѣе его раскрывшихъ „достоинства“ сочиненія. Здѣсь, дѣйствительно, нашъ почтенный критикъ весьма близко подходитъ къ точкѣ зрѣнія на нашу книгу ученаго критика въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“, гдѣ проводится мысль, что наша книга „ставитъ въ первый разъ вопросъ о западномъ влияніи на Москву и объ отношеніи правительства къ чужестранцамъ на строго научную почву, даетъ новые матеріалы и указываетъ вѣрный путь къ рѣшенію этого важнаго вопроса“, и что на основаніи даннаго изслѣдованія „теперь мы имѣемъ возможность правильно судить, какъ существовалъ и понимался въ XVI и XVII вѣкахъ такъ-называемый нынѣ нѣмецкій вопросъ“ (іюль 1890 г., 153, 154, 163 стр.). Въ такихъ и подобныхъ сужденіяхъ о достоинствахъ книги кроется для насъ убѣдительное доказательство, что наши продолжительныя изслѣдованія посвящены избранному предмету не напрасно. И мы очень признательны г. Багалью, что онъ своею статьею вызвалъ насъ на то, чтобы еще разъ высказать наши мысли о нѣкоторыхъ пунктахъ, показавшихся ему спорными, и сообщить нѣсколько дополнительныхъ разъясненій. Фактическія ошибки, которыя въ каждомъ сложномъ и обширномъ дѣлѣ столь возможны, мы защищать и отстаивать нетолько не намѣрены, но встрѣтимъ также признательно указаніе ихъ, лишь бы наши промахи означены были дѣйствительно ясно, научно, съ полною убѣдительностію. Это можетъ только способствовать дальнѣйшему движенію правильной разработки. Въ русской исторической наукѣ, да, конечно, и во всякой другой, пока еще нѣтъ ни одного крупнаго сочиненія, въ которомъ бы не встрѣчалось ошибокъ, особенно, когда дѣло идетъ о новыхъ во многомъ вопросахъ. Извѣстно, какіе значительные промахи допустилъ необыкновенно тщательный въ своихъ трудахъ С. М. Соловьевъ, излагая нѣкоторые частные факты взятаго нами предмета. Уже изъ одного это видно, какъ важно у насъ для изслѣдователей сто-

роннее содѣйствіе: но это же самое, въ свою очередь, налагаетъ непремѣнную обязанность и на гг. критиковъ, какъ менѣе знакомыхъ съ разбираемыми вопросами, быть поосмотрительнѣе въ своихъ возраженіяхъ и совѣтахъ.

Дм. Цветаевъ.